

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТУАНИЗМОВ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПОЛЬСКИХ ГОВОРАХ ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

ИРЕНА АДОМАВИЧЮТЕ

1. Формирование ряда особенностей разновидности литературного польского языка, функционировавшего в Литве [Palionis, 1967, p. 271; Zinkevičius, 1977, p. 28], и особенностей польских говоров Литвы, возникших на его основе [Turska, 1939, s. 13; Вярэніч, 1973, с. 14], связано с влиянием литовского языка. В связи с этим особое внимание уделяется изучению литуанизмов польских говоров как наиболее очевидного свидетельства такого влияния.

К настоящему времени литуанизмы исследовались как в польских говорах, носители которых (особенно старшее поколение) еще говорят по-литовски [Zdanczewicz, 1960], так и в монолитных польских говорах [Zdaniukiewicz, 1972]. В первом случае пласт лексических заимствований из литовского оказывается довольно значительным, включающим более 200 единиц [Zdanczewicz, 1960]. Результаты обследования монолитных польских говоров в этом отношении во многом зависят от установки диалектолога. Если преследуется цель выявить, прежде всего, объем собственно польской лексики, или, еще более узко, ее активного слоя в данном говоре, и не принимаются во внимание слова и выражения, „которые жители понимают, но не употребляют в активной повседневной речи“ [Zdaniukiewicz, 1972, s. 108], то количество лексических литуанизмов оказывается незначительным. Если же целью описания становится выявление особенностей лексического состава данного говора по сравнению с литературным языком, то список литуанизмов может оказаться более обширным [Tekielski, 1980].

Изучение лексических литуанизмов польских говоров Литвы представляет собой только один из аспектов исследования проблемы формирования этих говоров. Как известно, так называемая „польщизна крсовая“ южных районов Литвы — относительно молодое языковое образование. Окончательно она укрепилась здесь только во второй половине XIX в. [Turska, 1939, s. 13, 39; Вярэніч, 1973, с. 13], вытеснив литовскую речь или „потеснив“ белорусскую [Turska, 1939, s. 30–31]. Естественно, что новые польские диалекты выбрали многочисленные явления субстратных по отношению к ним белорусского и литовского языков. Описание субстратных особенностей периферийных польс-

ких говоров имеет огромное значение как для изучения истории формирования, так и для понимания механизмов возникновения новых говоров и языков.

2. Исследователи, изучающие историю формирования польских периферийных говоров, получили в свое распоряжение интересный документ – книгу Ст. Беликовича „Винцук рассказывает“. Автор книги родился и вырос в местности, „где через межу одна от другой находились белорусские и литовские деревни, а между ними в мелких засценках жила обедневшая шляхта, которая только тем и отличалась от мужиков, что с гонором носила свою шляхетность, хотя уровнем хозяйства и стилем жизни она часто уступала соседям, особенно литовским“ [Bielikowicz, 1975, s. 7–8]. С детства Ст. Беликович владел тремя языками, точнее, диалектами: местным польским, местным литовским и местным белорусским, или „простой мовой“. В этом отношении он не исключительное явление в районах южной Литвы. Единая местная культура более сотни лет существовала здесь в трех языках, создав и местный трехязычный фольклор [Bielikowicz, 1975, s. 6].

После окончания второй мировой войны сам Беликович и некоторые будущие герои его книги, друзья детства „Юзюки, Игнаськи, Винцуки, Балтруки“ выехали в ПНР. „На новые места в Вармии и Мазурах“ вместе с пожитками они привезли свои обычаи, песни и этот „экзотичный, напевный“ польский говор, на котором написана книга Ст. Беликовича, представляющая собой сборник бытовых рассказов от первого лица. Родной язык рассказчика Винцука значительно отличается от литературного польского. Автор подчеркивает, что его рассказы – не фольклорный документ, а художественное произведение. „Фольклором“ является сам язык Винцука. Польский диалект Вильнюсского края не монолитен, подчеркивает Ст. Беликович. По-разному звучит он в районах, где преобладает влияние белорусского, и в районах, где преобладает влияние литовского языка. Создавая книгу, автор стремился найти некую „золотую середину“, и его Винцук заговорил на языке, который звучал в шляхетских „засценках“ и крестьянских деревнях, где говорили по-польски. Говор Винцука „искажен в наименьшей степени“ [Bielikowicz, 1975, s. 6].

К книге приложен составленный автором словарь диалектной лексики, встречающейся в тексте (138 лексем). Он как бы удостоверяет подлинность польской диалектной речи Винцука и сам по себе представляет ценность. В словаре и (неоднократно) в тексте находим ряд литуанизмов, уже отмеченных ранее отдельными исследователями: *dyrwan, dziażka, jurginia, kumpiak, pakuly, parsiuk, poszor, rojsty, smagly, szakalki, szeszka, siorbać, siulic, zergac, zybury* [Zdancewicz, Zdaniukiewicz, Tekielski]. Автор не указывает места рождения Винцука. Герои его рассказов живут или встречаются в *Karszuniskach, Żyburyszkach, Szakaliszkach, Jęczmieniskach, Samoduryszkach*, расположенных где-то к югу от города, очевидно, Вильнюса, по дороге в который следует пе-

ресекают реку Меркис (Meresczanka). Эти выдуманные названия хорошо передают ойконимический пейзаж южных районов Литвы. На ярмарку жители этих деревень иногда ездят в Адутишкис (Hoduciszki).

Таким образом, диалект Винцука относится к южнолитовской разновидности польского периферийного диалекта, о чем свидетельствует и мощный слой белорусизмов в речи Винцука*.

3. В отличие от перечисленных выше литуанизмов, неоднократно упоминавшихся исследователями, в книге Ст. Беликовича встречаются заимствования из литовских говоров, которые вообще не отмечались или имеют единичные фиксации. Некоторые из ранее описанных литуанизмов в текстах Ст. Беликовича имеют особую сочетаемость или оттенки значений, не описанные ранее. В заметках, составляющих основное содержание данной статьи, анализируются факты такого рода.

Arbata 'чай' (83, 121, 157, 197; здесь и в дальнейшем цифры в скобках указывают страницы книги Беликовича); *arbaty posiorbiem* (127) 'выпьем чаю'. У Karł. не с территории Литвы. Отмечено под Сейнами [Zdanc.]. Лит. *arbata* 'чай' заимствовано из польск. herbata [LEW], однако огласовка польск. диал. слова указывает на его литовский источник.

Kul słomy 'сноп соломы' (73); *leża jak ten kul słomy* (141) 'лежит как сноп соломы'. У Karł. *kul, kulik* 'сноп' с пометой 'устно из Литвы'. *Kul* 'сноп' и у Тек. Характерно, что лит. *šiaudų kūlys* 'сноп соломы' имеет переносное значение 'разъева, увальень' [LKŽ], как и у Беликовича.

Krušnia 'груда, куча' (30). У Karł. 'куча камней, лежащих на поле', 'устно из Литвы'. В Łor. 'груда камней, собранных с поля', лит. *krūsnis* 'куча камней на поле' [LKŽ]. Заимствованным является и блр. крушня 'куча камней (на поле)', см. ТСБМ.

Kulsza 'бедро' (159); у Karł. с пометой 'это слово в Литве широко употребляется'. Известно также в сев.-зап. белорусских говорах. < лит. *kulšė, kulšis* 'бедро', см. ЛБ.

Lapszuk 'гриб' (102, 161, 203, 205) < лит. *lepšė* 'подберезовик', в перен. значении 'разъева, увальень', как и лит. *lepšė* [LKŽ]. У Karł. *lapszuk* 'из Литвы', 'старый, червивый гриб'.

Podynka 'горшок; кувшин': *podynka z mlakiem* (168) 'кувшин с молоком', *wziął on podynki, w której... bliny mieszala* (98) 'взял он миску (горшок), в которой блины мешала' < лит. *puodynė* 'глиняная посуда, горшок' [LKŽ]. Считаем,

* Когда статья была закончена, мы получили письмо от д-ра Мечислава Яшкевича, который работает преподавателем в Высшей педагогической школе (педагогическом институте) г. Ольштына. М. Яшкевич сообщил, что Ст. Беликович умер в декабре 1981 г. (в возрасте 58 лет); детство и юность его прошли в одной из деревенок теперешнего Мелагянского с/с Швечянского р-на.

что исходным для заимствования является именно это слово, а не лит. *puodas* 'кастрюля' [LKŽ]; для этой реалии в говоре Винцука используется *sagan* 'то же' (168).

Tarpa 'сусек, закрома'; у Тек. *torp* 'то же'; у Карл. *torp, torpa* 'отделение в гумне, а также количество зерна, помещающегося в этом отделении', 'из Литвы' < лит. *tarpas* 'промежуток, сусек, закрома' [DLKŽ].

Wiapla 'ротозей, раззява' (67); то же у Тек. < лит. *vėpla, vėplys* 'то же'.

Wiksva 'острая трава, растущая по краям болот и берегам озер' (215); у Тек. 'разновидность травы'; у Карл. 'острая трава, растущая на мокрых местах', 'устно из Гродненской губ.' < лит. *wiksva* 'многолетняя трава с острыми листьями, растущая на влажных местах' [DLKŽ].

Kimsy: *skakać po kimsach* (208) 'прыгать по кочкам' < лит. *kemas, kimsas* 'кочка', ср. лит. *šokinėti nuo vienos kimos ant kitos* [LKŽ] 'то же'. Отмечено также в польском говоре Видз [Giulumiānc, Czekań, 1971, s. 324].

4. В ряде случаев связный текст помогает более детально описать функционирование литуанизмов в рассматриваемых польских говорах. В связи с этим приведем два примера.

Польск. диал. *rojsty* 'мокрые луга, поросшие небольшими деревцами' (26, 108) относится к числу многократно фиксированных литуанизмов: *rojsta* [Łop.]; *rojst* [Tek.] и др. В говоре Винцука это слово входит в состав очень популярных бранных выражений: *żeb ty na rojsty poszedlszy* (24, 76, 95) 'чтоб ты на роjст пошел'; *idź ty na rojsty* (105, 127), или просто *żeb ona na rojsty* (143) 'чтоб ты (тебя) роjст (болото, черт)'. Сам факт употребления слова *rojsty* в таком окружении является литуанизмом, поскольку в южных районах Литвы обычны выражения *kad tave raistas paimtų* 'чтоб тебя болото (черт) взял'; *tęgul jį raistas* 'то же'; *o kad tu raistais* 'то же' [LKŽ]. Далее Винцук говорит *chata rojstem stoi* (30) 'все в хате вверх ногами'; в южнолитовских говорах отмечено *pirkia (asla) kaip raistas*, где *kaip raistas* 'грязно, беспорядок' [LKŽ]. Таким образом, польским говором заимствована не только лексема, но и некоторые особенности ее переносного употребления.

Żergać 'шагать': *prędzienko żergać poczęła* (128) 'быстро начала шагать' < лит. *žergti* [DLKŽ]. У Карл. с пометой 'литовское, устно из Вильнюса'; в Łop. *przeżergać ruczaj* 'перешагнуть ручей'.

В тексте Беликовича эта лексема обычно выступает в сочетании *prog przeżergać* 'перешагнуть порог': *nie pośpiawszy prog przeżergać* (27) 'не успела порог перешагнуть'; *przez prog przeżergał* (98, 120); *przez prog przeżergawszy* (49, 193); *przeżergana moja przez prog* (151) 'перешагнул порог'. В литовском этот глагол выступает в аналогичном сочетании (*per*)-*žergti slenkstį*; *žergti per slenkstį* 'перешагнуть порог'; также *žergti* 'идти, широко расставляя кривые

ноги' [Lyb.], как и у Беликовича: *i prędzieńko żergać poczęła* (128) 'и быстро пошла'; *osiemdziesiątka przeżerawszy* (203) 'за восемьдесят перешагнул'.

5. Некоторые литуанизмы, встречающиеся в текстах Ст. Беликовича, исследователями не рассматривались. К числу их относятся следующие лексемы.

Grabolić się: na łóżka wgraboliwszy się (141) 'на кровать вскарабкался'; *wgrabolił się jakości na wóz* (93) 'залез как-то на воз'. У Karł. *gramolić się* 'с трудом забираться на высокое место' 'устно из Литвы', хотя слово в такой же форме и значении отмечено в польском литературном [SJP, MSJP]. Из лит. *grabaliotis, gramaliotis* 'неуклюже, наощупь что-то делать' [LKŽ].

Karteluski 'карточки, нарезанные из бумаги': *wrożyć z tych karteluszków* (102) 'ворожить по этим карточкам'. У Karł. *karteluszek* 'то же' 'устно из Литвы' < лит. *kortelės* 'то же' [LKŽ].

Łalymki 'колядки' (91), *łalowniki* 'колядники' (91): *poszedł ja w łalowniki chodzić...młode chłopcy i starsze ludzie idą z powinszowaniem od chaty do chaty i pod oknami, bywało, łalymki śpiewami* 'пошел я с колядниками ходить...молодые парни...и взрослые люди ходят с поздравлениями от хаты до хаты...под окнами, бывало, колядки поют'. Нет у Karł. Из лит. *laluoti, lalauti* 'по старому обычаю ходить на рождество группой по дворам, под окнами петь определенные песни и собирать подарки' [LKŽ]: *lalauninkas* 'участник колядок' [LKŽ].

Lenty (81, 145): *ale ja człowiek lenty* (145) 'но я человек спокойный'; *taka lenta, lagodnieńka...jak ta owieczka biała* (81) 'такая спокойная, ласковая...как овечка белая'.

В польск. литер. только *lento* < итал. как музыкальный термин 'медленно' [SJP, MSJP]. У Karł. *lento* 'неповоротливо, лениво' с пометой 'устно из Литвы'. В LKŽ привимается, что лит. диал. *lentas* 'медленный, несмелый, тихий' из польск. *lenty*. В лит. говорах известны также формы *lentas, lentus* 'медленный', *lëntumas, lentumas* 'медлительность', зафиксированные в южнолитовских говорах. Широкое распространение этих форм в литовских говорах косвенно свидетельствует об их распространенности в польских говорах Литвы. Скорее всего, в основе его лежит лит. *lëtas*, имеющий все упомянутые значения [LKŽ], а -п- в нем появилось под влиянием польск. *leniwy*, блр. *лянівы* 'медленный'. Об этом прямо свидетельствует *lenty* 'ленивый, медленный', известное в польском говоре д. Кудзяны Шальчининского р-на (устное сообщение Д. Квятковской, студ-ки филол. ф-та ВГУ).

Smagle 'весело, проворно, живо и др.': *bizunem tak smagle ob ziemia plasnął* (17) 'кнутом так сильно ударил об землю'; *klótnia robiła się coraz smaglejsza* (84) 'драка разгоралась все сильнее'; *smagle smoktać z butelki* (52) 'энергично, сильно тянуть с бутылки'; *żeć smaglej grali* (43) 'чтоб веселей играли'; *robotą smaglej pójdzie* (160) 'работа пойдет живее'. У польск. *smagły* 'стройный, гибкий, смуглый' [SJP] таких значений нет. Karł. формы *smagle* 'исправно,

точно, четко, много' и *smagło* 'быстро, резво, проворно' подает 'устно из Лит, вы'; последняя и у Org. Предполагаем, что в основе польск. диал. *smagle*, *smagło* лежит лит. *smagus* 'приятный, сильный, проворный, веселый, живой-удобный, крепкий и т. п.' [DLKŽ]. Наречие *smagai* может быть употреблено во всех контекстах, в которых отмечено польск. диал.

6. Кроме перечисленных, в книге Ст. Беликовича встречаются литуанизмы типа *badziać się*, *brzgać*, *siorbać*, которые в польскую диалектную речь попали, скорее всего, из белорусского. Это отдельная проблема, которую мы не будем затрагивать в данной статье.

В заключение отметим, что поиск, анализ и каталогизация лексических литуанизмов в польском периферийном диалекте остается актуальной задачей. Отсутствие обширных аутентичных текстов на этом диалекте затрудняет ее решение. Лингвистический анализ рассказов Ст. Беликовича со всей очевидностью подтверждает справедливость этого тезиса. Следует учесть, что мы не рассматривали семантические кальки с литовского, морфологические и синтаксические явления периферийного диалекта, обязанные своим появлением литовскому влиянию, которое вне связного текста трудно заметить. Результаты такого „скрытого“ влияния литовского языка на структуру польского периферийного диалекта будут проанализированы в отдельной работе.

AN INVESTIGATION INTO THE LITHUANIAN LOAN WORDS IN THE POLISH PERIPHERAL DIALECTS OF THE LITHUANIAN-BYELORUSSIAN BORDER

1. ADOMAVIČIŪTĖ

Summary

This article is based on S. Bielikowicz's work „Wincuk gada“; the meanings and the usage of the following loan words are analysed: *arbata*, *kul słomy*, *krusnia*, *kulsza*, *lapszuk*, *podynka*, *tarpa*, *wiapa*, *wikswa*, *kimsy*, *rojsty*, *żergać*, *grabolić*. It is revealed that such Polish dialect items as *lenty* 'calm' and *smagle* 'merry, strong' have originated from such Lithuanian words as *lėtas* and *smagai*.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

- Вярэніч, 1973 — Вярэніч В. Л. Польскія перыферычныя гаворкі на ўсходзе. — В кн.: Польскія гаворы в СССР, Мінск, 1973, ч. 1, с. 5—21.
- Bielikowicz, 1975 — Bielikowicz S. Wincuk gada. — Pojezierze—Olsztyn, 1975.
- Giulianian, Czekań, 1971 — Giulianian K., Czekań W. Polska gwara m. Widze i okolicy (na substracie białorusko-litewskim.) — Slavia Orientalis, 1971, s. 313—325.
- Palionis, 1967 — Palionis J. Lietuvių literatūrinė kalba XVI—XVII a. — V.: Mintis, 1967.
- Tekielski, 1980 // Tek. — Tekielski K. Lituanizmy leksykalne w dialekcie okolic Podbrzezia i Niemenczyzna. — Acta Baltico-Slavica, 1980, t. 13, s. 67—72.
- Turska, 1939 — Turska H. O powstaniu polskiego obszaru językowego na Wileńszczyźnie. — Wilno, 1939.

Zdancewicz, 1960 – Zdancewicz T. Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejn. – *Lingua Posnaniensis*, 1960, t. 8, s. 333–352.

Zdaniukiewicz, 1972 // Łop. – Zdaniukiewicz A. A. Gwara Łopatowszczyzny. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1972.

Zinkevičius, 1977 – Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika. – V.: Mokslas, 1977.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛБ – Лексічныя балтызмы ў беларускай мове. – Мінск, 1969.

ТСБМ – Глумачальны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1978, т. 2.

DLKŽ – *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*. – V.: Mintis, 1972.

Karł. – *Karłowicz J. Słownik gwar polskich*. – Kraków, 1900–1911, t. 1–6.

LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*. – V.: Mintis, 1968–1978, t. 1–11.

Lyb. – *Lyberis A. Sinonimų žodynas*. – V.: Mokslas, 1980.

MSJP – *Mały słownik języka polskiego*. – Warszawa, 1968.

Org. – *Orgelbrand M. Słownik języka polskiego*. – Wilno, 1861, t. 1–2.

SJP – *Słownik języka polskiego* / Pod red. W. Doroszewskiego. – Warszawa, 1958–1969, t. 1–11.

Примечание. К сожалению, мы не смогли воспользоваться материалами „Словаря балтизмов в славянских языках“ Ю. А. Лаучюте (Л., 1982), вышедшего из печати после того, как данная статья была слана в набор.

И. А.

Вильнюсский государственный

педагогический институт

Кафедра русского языка и методики

Декабрь, 1981